

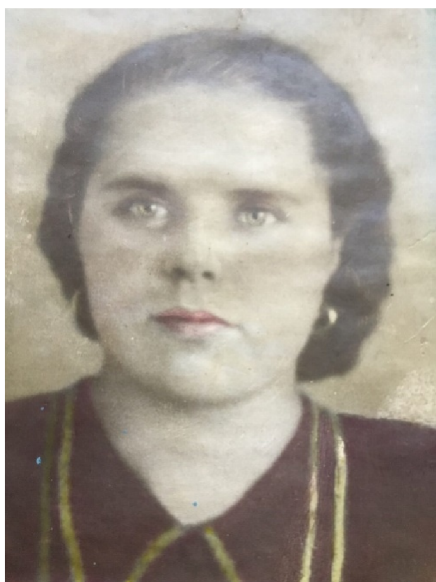
Память не меркнет

**75-летию Победы в Великой Отечественной войне
посвящается**

Перед вами уникальные воспоминания тружеников тыла города Свердловска (Екатеринбурга). Все труженики тыла, с которыми мы беседовали, во время ВОВ были детьми. На сегодняшний день их возраст старше 90 лет. Живых свидетелей того времени о жизни народа в годы Великой Отечественной войны почти не осталось.

Каждая семья несет бремя этой войны, ведь миллионы людей, кто отдал самое ценное, что у них есть - свою жизнь, ради того, чтобы их дети, внуки, правнуки – все мы имели будущее на счастливую и мирную жизнь в своей стране. Но этот подвиг всего нашего народа складывается из многих проявлений самоотверженности и отваги каждого отдельно взятого человека.

Ушенина Раиса Борисовна родилась 9 октября 1929 года. Когда началась война, ей было всего 12 лет. Отец ушел на фронт 8 марта 1942 года, а в апреле он был убит. Раиса Борисовна во время войны жила в деревне Мостовка, за Верхней Пышмой. «Время было тяжелое. Нам приходилось есть картошку, траву, остальное было в малом доступе. Я росла в небольшой деревне, нам все время передавали, что война закончится, но на Урале никого не было, благо, никто не приезжал, поэтому в войне я лично не участвовала. Но я уже работала, потому что отца убили, брат умер, а мать моя заболела. Я работала в Лесохиме, собирая серу в лесу. Было специальное предприятие по добыче серы, они отправляли в лес бочки, куда я серу эту складывала. Был случай, когда во время сбора меня учуяли волки, однако, есть они меня не стали: я была очень худенькая, видимо, потому осталась жива. Они просто обнюхивали меня.» Вспоминая об этом тяжелом периоде своей жизни, Раиса Борисовна плакала. «Как-то мне принесли шерсть, из которой я вязала солдатам на фронт шинели, варежки, носки. Освещение не то, что сейчас: все приходилось штопать под

керосиновой лампой. Потом все, что я сделала, отправляли на фронт. Наша деревенька была маленькой, близ нее — в 5 километрах — большая. Там и стояло предприятие, куда все, что я наработала, свозилось. Денег не платили — денег не было, платили едой.

Мы задали вопрос: «Что мотивировало Вас биться до конца, какое будущее Вы представляли?»

«Ну, все, вроде бы, обещали по радио, что война скоро закончится, но люди шибко не возлагали надежды: они, как и я, работали, речи о том, что жизнь изменится после войны — не было. Видите ли, деревня небольшая, там всю молодежь забрали в армию. Только девушки остались, но молодость свое брала, было охота погулять по деревне с балалайкой...

В то время я ждала солдата, с 1944 — 7 лет, с тех пор мы прожили с ним 50 лет до самой его смерти. В 1944 резервом отправился Сергей Александрович, которого я ждала до 1951, прошел Германию и Болгарию.

После войны стало значительно веселее: деньги пошли в обиход, хлебом кормили досыта, а то в военное время норма составляла 600 грамм, за ним я ходила из своей деревни в большую, а пока шла обратно домой — 5 километров — хлеб потихонечку съедался. Если же план я перевыполню, то вдобавок мне давали суп с крапивой. Так и жили.

После войны изменений как таковых не было, мы жили за счет своего хозяйства, при Сталине Советский Союз был накормлен, карточную систему отменили, ввезли колбасы благодаря его

распоряжению.»

Хромкова Вера Александровна родилась 24 сентября 1929 года. На момент начала войны ей было 11 лет. Вера Александровна делится воспоминаниями:

- В 41, как только началась война, я училась в 5-ом классе, а так как денег не

было - я сказала маме, что не буду учиться, я буду работать. Сами понимаете, кушать было нечего. Они со мной бились-бились - в итоге папа устроил меня на работу. Сам трудился в районе Сортировки.

- А почему он не ушёл на фронт?

- Возраст был не тот, потому он работал в трудармии.

- И куда Вы устроились, где работали?

- 15 июля в 1943 году поступила мазчицей в типографию "Уральский Рабочий", работала в три смены, по шесть часов.

- В чём состояла Ваша работа, тяжело ли было?

- Я книжные переплёты вставляла в папки, смазывая у основания корки. Верстак был очень высоко - так мне подставку ставили. Лет 12 там работала, наверное, тогда я жила на улице Тургенева, напротив которого "Уральский Рабочий" стоял. Потом 34 года на военном заводе отработала кладовщицей.

- Вы говорили, что кушать было совсем нечего. Как Вы справлялись с этой трудностью помимо работы?

- А вот как: мама на Большакова устроилась в областную больницу посудницей: бачки мыла. Кушать, как я говорила, было нечего, - так мама соскребёт со дна и несёт домой "ассорти" из каши, горошка... Из кожуры картофельной драники ели,

с отрубями. Сахара не было, но у меня на этот случай пуговица носилась с собой, не с чем чай пить, я раз - и брошу пуговицу в кружку. Дров не было, холодно очень, заборов не было - всё истопили из них.

Каким представилось для Вас послевоенное время?

- К 45-ому году война закончилась, а я, сами понимаете, барышней стала достаточно взрослой: надо бы на танцы ходить. Вместо этого мы вставали в очередь за хлебом - с девяти часов вечера до открытия магазина в десять, с карточками и за "коммерческим хлебом".

- Чем Вам запомнилась юность?

- Как таковой молодости не было. Молодость пакостная. Детства не видела. Играть - не играла. Помню, девочки в "классики" резвятся, зовут меня, а я хмурюсь да спрашиваю: "Чего вы играете? Идите, помогайте родителям, работайте", - посоветовала я им. Помню ещё, как получила первую зарплату - 24 рубля - принесла маме и говорю ей, чтоб купила она всё, что ей захочется.

- Были ли какие-то экстремальные случаи?

- Да. Как-то с мамой мы решили отнести отцу хлеб до Сортировки - от Уралмаша три километра до предприятия через трамвайные линии, несли эту выпечку в руках, хоть и сами не ели. Пришли, значит, - там два покойника лежат. Видно, на мусоркесьели чего - капусты гнилой, например, да скончались.

Тяжело досталась победа... Очень тяжело. На платях спать приходилось, голодно, холодно...

- Послевоенное будущее виделось Вам лучше?

- Конечно. О танцах думали, о жизни полегче... После войны всё значительно поменялось, ожили немножечко: карточки в 47-ом отменили, хлеб стоил 16 копеек, сахар

- 26 копеек, к тому же, я часто посещала Свердловскую Филармонию, сад на улице Вайнера.

Максимовой (Усольцевой)
Надежде Константиновне на момент начала войны было 12 лет. Ей очень тяжело вспоминать военное время, рассказывает нам со слезами на глазах:

«Папу забрали в рабочую армию, которая находилась в тылу врага, а три дяди отправились на фронт. Было из них два двойника: Николай и Александр. Коля учился в Тюмени на пулемётчика, погиб в первой битве, в районе Луганска похоронен. Его могилу нашли с большим трудом. Его двойник - Александр - дожил до 94-лет, но он пришёл с войны абсолютно глухим: у него было две контузии. Привёз его тогда сослуживец. Однако, несмотря на контузию, он всё прекрасно понимал, скажу больше - закончил Политехнический Институт, защитил кандидатскую диссертацию на тему гравитации, при этом будучи без слуха. Прожил долго и очень достойно. Сергей, третий дядя, старший из братьев, тоже погиб.»

Когда началась Великая Отечественная война, Надежда Константиновна жила в Курганской области, в селе Звериноголовское. Из-за войны ей пришлось переехать в Казахстан, в Кустанай, так как там жили мамины родители.

Мы задали вопрос: «Чем Вы занимались после переезда?»

- Я училась в школе, нас регулярно возили на поле: картошку копать, овощи убирать. Так мы всё время и работали. Потом нас в зернохранилище посылали - оно представлялось как огромная труба, куда высыпалось всё собранное зерно. Увы, после одного случая с погибшим на том месте мальчиком, нас туда больше не пускали. Я ещё со времён войны хорошо помню, что был дефицит спичек. Вместо них у моей бабушки лежал фитильчик, благодаря которому можно было что-то зажечь. Если фитилёк потух - бежали

к соседям, а они выручали. В то время люди были совершенно другие. Совершенно...

- А как вы справлялись с трудностями?

- Я хорошо помню, что во время голода и дефицита еды нам приходилось сажать картошку где только можно: в лесу, прямо около дома, даже около дороги... И картошка была мелкая всё время, - так мы её разваривали и отруби мешали, делая с помощью нехитрых манипуляций лепёшечки. В итоге стали их выдавать по четыре штуки в день: и ты либо сейчас их съедаешь, либо растягиваешь на целый день.

- А как Вы поступали?

- Я была маленькая, худенькая, мне хватало и одной. Остальное отдавала последнему дяде - Володе, он молодой был, крепкий, помогал нам в работе.

- И никаких конфликтов на бытовой почве не возникало?

- Нет. Совершенно никаких. У нас была взаимовыручка во всём. Все всё прекрасно понимали. Более того, мой дядя привёз из Харькова 11 человек - беженцев, которые впоследствии жили у нас, в Кустанае, спали они где только можно: на полу, на стульях, везде-везде. И все им помогали тем, чем могли помочь, никто из семьи не возникал. А люди те образованные были, потихонечку освоились. Один бухгалтером устроился, второй нашёл работу учителя - так

они и "отсеивались"... Но эти люди, когда уже закончилась война, не забыли нас, они оказались настолько благодарными, что звонили, часто приезжали к нам. В наших взаимоотношениях не было место материальному, об этом не шло речи! У нас всё строилось на человеческой гуманности, на уважении и готовности помочь в трудную минуту.

Поскребышева Валентина Прокопьевна родилась 1 января 1929 года.

- Сколько Вам было лет во время начала ВОВ?

- Мне было 12 лет на тот момент, когда я услышала по радио в 41-ом году о начале войны. Всех юношей и мужчин в нашем селе и по всей Кировской области собрали и увезли на фронт тогда. Своих дорогих и близких мужей, отцов, сыновей провожали женщины, старики и дети.

- С чем Вы столкнулись с самого начала?

- Все тяготы работы упали на наши плечи, мы работали наравне со взрослыми, делали всё, что было в наших силах: косили-пололи траву, картошку копали, по ночам молотили.

- А какие условия в стране на тот момент были?

- Не самые лучшие. Страна не была до конца готова в таких масштабах обороняться и нападать на фашистского врага, поэтому всё, что у нас оставалось, все запасы у села и у людей собирали и отправляли на фронт. Ходили мы полуголые, в чём попало...

- И в то же время учились?

- Только зимой, в школу за 5 километров ходили по лесной заснеженной дороге.

- Происходило ли что-то экстремальное во время ежедневных "марш-бросков" до школы?

- Конечно. Часто волки перебегали нам дорогу, такие же голодные, как и мы, но не нападали. Страшно в первую пору было, но всё равно несмело шагали вперёд, чтобы дырявые валенки к ногам не примерзали...

- И как дальше складывался день?

- После учёбы мы снова занимались делом ради куска хлеба. Собирали макулатуру и металлолом для сдачи, помогали пожилым людям и больным, ухаживали за самыми маленькими. Конфликтов не существовало перед лицом опасности. Выполняли поручения часто, учили исправно уроки, понимая, что завтра, возможно, не настанет - и такие мысли приходили в голову, не считая переживаний за ушедших на фронт.

- А кто из Ваших родственников ушёл на фронт?

- Отец, брат, дяди. Мужчин в селе практически не осталось.

- И что Вас мотивировало идти дальше в таком случае?

- Чувство долга, желание сломить врага, чтобы поскорее обнять тех, кого война забрала на полях битвы. Хотелось, чтобы все близкие были живы и здоровы, а плач никогда не посещал дома.

- Как сложилась Ваша судьба в послевоенное время?

- Я поступила в институт после учёбы в школе, домой, если стипендии не хватало, я ездила на подножках поезда, отучилась на математика и проработала в школе 106 всю жизнь, бесконечно обожая свою профессию. После кошмара войны дети словно украсили мою жизнь своими достижениями, огромную радость приносило то, что они на застали те бедственные годы для нашей страны. Они полностью открывались знаниям, из-за чего хотелось дать им как можно больше.

- Сколько лет Вы примерно проработали в школе?

- До 77 лет, около 50 лет. И никогда не жалела, видимо, поэтому была удостоена правительством нашего города медалью "За доблестный труд" и отмечена знаком "Отличника Просвещения".